

Тони Корсо

ТЕНЬ ТРЕХ СТОЛЕТИЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

18+

Тони Корсо

Тень трёх столетий. Часть вторая

«Автор»

2026

Корсо Т.

Тень трёх столетий. Часть вторая / Т. Корсо — «Автор», 2026

Три сотни лет ожидания подошли к концу. Магия больна, ткань бытия трещит по швам, однако, живое Сердце мира бьётся вновь, а значит надежда жива. Рин и союзники должны найти второй якорь, чтобы развеять тень, что три века довлеет над миром, — пока не стало слишком поздно.

© Корсо Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. К новому берегу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тони Корсо

Тень трёх столетий. Часть вторая

Глава первая. К новому берегу

*...и хотя с Века Пламени прошло
три столетия, человечество,
пережившее ярость вулканов,
крушение империй и угасание Сердец
мира*, едва ли пребывает в
благоденствии. Могучий Союз
Тойха́н шагает по обоим
континентам, и на обоих гремят
тойханские пушки и ружья и лязгает
сталь. Великий поход, как его
называют завоеватели, призван
собрать воедино всё, чем владела
Гис, и создать империю, могуществу
которой не было и не будет равных.
Потому и нет единения меж людьми,
а старые ордена, что могли бы
стать мостом меж народами, давно
служат владыкам земель и храмов.
Нет покоя и магии мира — она с
каждым годом всё крепче вонзает
зубы в разумы магов, и несть тому
конца и не видно тому края...*

** Магистр, однако, утверждает, что
живое Сердце мира забилося вновь.*

— прим. первого читателя.

*** Источник? — прим. второго
читателя.*

** Сейчас сплаваю на Риф, отыщу там
мага искажений,
научусь видеть правду-истину и
тогда сообщу тебе, какие у
Магистра источники!*

**— переписка на полях (велась в записях, между учениками Магистра
Лейны Сатёр)**

*Когда ваша покорная слуга была ребёнком, она захотела
изучить возгораемость разного рода материи. Проверить степень
подверженности субстанций огню почему-то было решено не на камнях
у реки или хотя бы на почтительном удалении от родного дома, а прямо
в вертикальном саду. От пожара поместье уберегло чудо и бдительная
прислуга. Родители и воспитатели вели себя на удивление спокойно.
Няньки лишь тихо вздыхали, молчал отец и матушка тоже — покуда
не нашла верные слова: «Разум, который в тебя вдохнула Мать, должно*

применять с пользой. Учение не стоит ничего, если не служит всеобщему благу». Что же... Ценность этой максимы невозможно переоценить.

— Магистр Лейна Сатор. Размышления о разуме

Чужое воспоминание пришло, как обычно пропитав собой явь и растворив её в себе. Рин вдруг сорвалась вниз, даже не вскрикнув, будто земля ушла у неё из-под ног. Чернота сомкнулась над головой, как водная пучина над утопающим.

Рин беспомощно озиралась, ломая глаза о мрак, но ничего не видела, а только падала и падала, покуда первый страх не сменила усталость, а потом ей на смену не пришло отстранённое, покалывающее любопытство. Каждый лёгкий укол — новый вопрос: «Куда я падаю? Сколько ещё? Есть ли вообще у этой пропасти дно?»

Вскоре темнота начала расслаиваться. Мир светлел, обретал контуры — пока Рин не увидела ступени, спиралью обвивающие колодец, в который она провалилась.

Наконец подошвы сапог коснулись дна пропасти. Тени слиплись в силуэт, и тот стрелой подлетел к Рин и... прильнул к ней.

«Беги, — отчаянно и разбито прошептал он... нет, она — это была женщина. — Я останусь здесь».

Рин с жаром оттолкнула так, что она спиной ударилась о тёмную стену. Силы вспыхнули в теле, словно оно было кремнём, способным ударом о камень высечь искру.

«Нет, — из горла вышел чужой голос, — уйдём вместе...»

Ответ был приглушённый и неразборчивый: «Никогда не преодолеет... не владеет... не понимает... не сможет посмотреть...» Речь ускользала, как вода из сжатого кулака.

«Там, где сердце», — раздалось вокруг, эхом разбежавшись от стен и сводов. Внутри всё сжалось от тоски. От этих слов, от того, как они были произнесены, хотелось завывать, роняя горячие слёзы.

Почему же?

«Там, где сердце», — отозвалась Рин.

— Что?

Волна ударила борт снаружи, бриг закричал, как брюзгливая старуха, и в ноздри настырно полезли запахи старой кожи, масла для ламп и, конечно, соли, вьёвшийся в одежду, волосы и доски. Отсвет на стене дрогнул.

— Держи! — скомандовала Цилла.

Блюдо, служившее зеркалом двум обитательницам тесной, скрипучей каюты, чуть было не опрокинулось, но ловкие пальчики Рин вцепились в его бронзовые бока, удержали и поставили обратно к стене. В нём покачнулось и замерло отражение лица, на котором одни черты — мягкий рот с маленькой тенью над верхней губой и большие плоски голубого цвета — проигрывали в неравном бою другим — острым, чётким линиям челюсти и подбородка, и, конечно, высокому лбу. Рин, давно считавшая себя взрослой, застыла при виде столь очевидного подтверждения её притязаний. Она изучала себя со смесью любопытства и страха, какой чувствует девочка, на которую из зеркала вдруг смотрит женщина. Нет, конечно, до этого пока не дошло, но...

— Мне кажется, или я и впрямь говорила тебе не высовывать язык? — в отполированной пластине показалось другое отражение. Рин привычно скрыла восхищение (да и, чего греха таить, укол зависти), разглядывая безупречные черты: прямой нос, высокие скулы, полукружья тонких бровей над зелёными глазами. Богиня-мать, из под молота которой вышли все живые существа, видимо, ковала Циллу с особой любовью и с особым же тщанием. — Говорила или нет?

— Да. Говорила.

— Так будь добра. Ты не собака, — длинные пальцы, покрытые мозолями, управлялись с огненно-рыжими волосами Рин так же ловко, как с ружьём и рапирой, заплетая пряди, жёсткие от солёной воды, в короткую косу и скрепляя их липкой смесью из воска и пудры.

— Зачем тебе, — Рин указала на выпуклое бронзовое брюхо, — это? Ты ведь всё равно в него не глядишь. Да и не видно в нём ни шиша.

— Что, прости?

Оборачиваться, чтобы понять, что Цилла подняла бровь, было не нужно.

— Ничего. Не видно ничего.

Позади раздался усталый вздох. Тёплое дыхание защекотало шею Рин.

— Ты слишком много времени проводишь в компании моих стрелков.

— А ты-то?

— Таков мой офицерский долг, а ты по собственному желанию постоянно подле них. Впрочем, это полбеды. Не будь ты столь податлива...

— И вовсе я не... — попыталась возразить Рин.

— ...и столь восприимчива, — невозмутимо продолжала Цилла, — может, и не цепляла бы, как репья, всё, что другие бросают.

Не дав собеседнице времени на дерзкий ответ, она спокойно пояснила:

— Что до отражения, то оно нужно не мне, а тебе — чтобы любоваться работой мастера и хвалить её. Помни, что добрые слова ничего не стоят для тех, кто их произносит, но бывают дороже всего для тех, кто их слышит.

Благодарная ученица кивнула, а затем нервно пожевала губу.

— А что... ты видела в этот раз? В предыдущие ты ничего не говорила.

С тех пор, как сила Сердца мира пробудилась в Рин, Берил — её предшественник и призрак давно ушедших времён — порой просачивался в настоящее. Чужие воспоминания, чужая суть — она проживала их, как свои собственные.

— Интересное что-то сказала?

— Всего одну фразу. «Там, где сердце», — во сне горечь, которой эти слова были пропитаны, чувствовалась острее, но и сейчас, наяву, они навевали печаль.

— Я... Берил — он повторил её за кем-то. Даже не знаю, за кем. Я не всегда понимаю, что вижу. Наверное, когда найдём Ткачей Памяти... Когда найдём второй якорь...

— Он... оно больше не являлось?

«в СВОЁ... вРемЯ», — хрипло отозвалась память голосом паразита, покалечившего магию мира. Рин поёжилась.

— Нет. Не являлось.

Цилла тяжело вздохнула, но голос её прозвучал неожиданно легко:

— Посмотри-ка, — сказала она, отстраняясь. — Что скажешь?

Рин повернула голову, в одну, затем в другую сторону и твёрдо решила: «Это какой-то неизвестный вид магии». Ей заплели из волос длиной до плеч не одну — две косы по бокам и соединили их на затылке, сцепив серебряным колечком.

— У нас так не делают. Я думаю... думаю, что зря. Зря не делают.

Глава отряда стрелков победно улыбнулась — так, будто бой не успел начаться, а её враги уже подняли белый флаг.

— Славно, — удовлетворённо заявила она.

— Переживут ли эти косы...

— Урок магии материи? О, не волнуйся, — Цилла прищурилась, как сытая лиса. — Воск и пудра их удержат. Однажды этим составом мы заклеили Лúцию рану. Небольшую, конечно. А у колец хватка как капкан. Сразу видно, что их придумала женщина — благословенна будь госпожа Вензиция.

— Кто это?

— Мастерница, каких не видывал прежде свет. Она воистину богиня иглы и веретена. Видела бы ты вещи, которые сотворило её воображение. Я слышала, что даже слуги Ордена заказывали у неё одежды с пластинками брони. Вшитыми в ткань! Такими тонкими и лёгкими, что и не разглядишь.

«Вещь полезная, — рассудила Рин. — Особенно для шпионов или тех, за кем по пятам ходят наёмные убийцы».

— Твои косы выдержат что угодно. Ветер, прыжок за борт — всё. Да что уж там, их, наверное, и магией будет не расплести. К слову, насчёт зеркала ты права. Надо поговорить с господином Рош-Хара.

А есть ли в разговорах толк? Капитану «Солнечного Ветра» принадлежало единственное настоящее зеркало на борту, но едва ли удалось бы получить в пользование такое сокровище. Вещица стояла мешок серебра, а весила как путевой камень, не обладая и каплей его прочности. Одно неловкое движение — и от капитанского сокровища останутся самые дорогие и самые бесполезные осколки, какие только можно вообразить.

Рин молча поднялась и стала шуршать, нет, хрустеть узкими штанинами, стёганкой и приталенной накидкой — вещи настолько пропитались солью, что почти не гнулись. Наверняка их можно было даже не складывать, а просто поставить у стены — и они встали бы как миленькие. Утешало одно: девушка не была одинока. Наряд Циллы издавал те же страшные звуки.

Одевшись, Рин неудачно выпрямилась и задела деревянную перекладину головой. В каюте — как и в бронзовом блюде — едва было довольно места для одного обитателя, да и тот бы наверняка постоянно задевал стены плечами, бился бы пальцами о ножки хлипкого стола и всё время путался бы в гамаках. Что уж говорить о двоих?

Рин ругнулась и выбежала из каюты, не дожидаясь выговора от Циллы. Недовольно заскрипел косяк, на который магичка опёрлась; доски в полу и на лестнице заныли под ногами, разбуженные спешными шагами.

Сейка ждал у дверей, на палубе «Солнечного Ветра», бодрый и готовый вбивать в голову ученицы мажью науку.

— Вот это скорость, — вместо «здравствуй» и «доброго утра» изрёк маг, — была бы чуть быстрее, обогнала бы мешки из трюма.

Его гладкое лицо, поразительно свежее для человека, которому давным-давно перевалило за тридцать, удивлённо вытянулось. На нём появилось выражение, изредка мелькавшее в те мгновения, когда действительности каким-то чудом удавалось превзойти ожидания Сейки. Мутно-серые глаза сощурились, оглядывая Рин.

— Невероятно. Ну-ка повернись. Святая Аэлия постаралась?

— Она.

— Потрясающе. Что ж, проверим работу в деле. Пойдём.

Палуба ходила ходуном от моряцкой беготни. Один из матросов, которого звали просто Хромой, в ответ на корявый вопрос Рин, заданный по-атёкски, торопливо бросил что-то на родном языке. Получилось разобрать только «верх». «Паруса поднимают», — предположила Рин.

Носились и стрелки Циллы, бурно что-то обсуждая.

— Отличное у капитана вино... — утверждал Солас, пыхтя и еле сматывая канаты. Широкая улыбка, однако, не сходила с его грубого краснощёкого лица.

— Да ну, — буркнул Томирис — бугай, что стоял рядом с ним, подбрасывая и сворачивая тросы с ловкостью циркача. — Жмых виноградный.

— Вам, столичным, не угодишь.

— Нет, друг мой, ты неправ, — вмешался Луций. Он вспотел; рубашка приклеилась к его телу, а золотые волосы липли к высокому лбу. От этого зрелища Рин беспокойно впиалась зубами во внутреннюю сторону щеки. — Твой вкус, как бы это выразиться...

— Как у енота помойного.

— ...весьма непритязателен. Капитанское вино — это преступление. Как у человека, чей платок стоит дороже тиары из золота, на столе может обитать такая дрянь?

— Даже в дезертирстве не видать мне свободы от солдатского общества, — пробормотал Сейка. — Шею не сворачивай, воробушек. Благословенный стрелок на службе у Владыки, да ещё когда он так хорош собой, получше обычной немойтой солдатни будет, но едва ли намного.

— И ничего я не сворачиваю, — огрызнулась Рин.

— Я заранее предупреждаю. Во избежание.

— Во избежание чего?

— Всего. Довольно вопросов.

— Так всего один и был-то!

— И тот лишний.

Конечно, можно было потребовать разъяснений или попробовать за них поторговаться, либо же попытаться одолеть Сейку в едком красноречии... Едва ли бы всё это помогло. Господин тойхánский маг был непреодолимым препятствием, отвесной скалой, карабкаться по которой придётся несколько дней с риском для жизни, а обходить — и того дольше.

— Вот и я говорю: дрянь, — с чувством довершил спор Томирис.

— А ну, — старший отряда по имени Тит вырос над стрелками и рыкнул на них, не меняя выражения каменного лица, — разговорчики.

Он оглянулся: не идёт ли где Цилла, их декания, либо же брат Квилан — тот имел свойство бесшумно подкрадываться и появляться рядом в самый неподходящий момент.

Рин тоже осмотрелась. Брата Ордена на палубе не оказалось, зато у кормы устало перебирал ногами Верс, прогуливаясь на свежем воздухе. С начала путешествия прошло две недели, и почти всё это время крепкому, ловкому прежде лучнику нездоровилось: его мучило — и от еды, и от голода, светлая голова его постоянно кружилась, а поэтому от дел он был освобождён.

— Ты что это тут делаешь? А как же пытки корабельного врача?

— Вроде бы они мне больше не понадобятся, — нахмурил светлые брови Верс. — Как и сухари под дверью.

— Сколько можно? Сколько ещё ты будешь эти сухари мне припоминать? Их и было-то раз, два и обчёлся! И не только они были, а ещё и рыба, и яблоки сушёные... — всё это она отщипывала от порции, которая полагалась ей. С мясом отрывала, стараясь не обращать внимание на жуткий утробный вой в животе. — Что давали, тем и делилась.

— Я знаю, — прервали её, одарив слабой улыбкой. Рин хмыкнула.

— Воробушек, — Сейка окликнул её; он уже стоял на возвышении, на самой корме. — Мне неведомо, знаешь ты сей великий секрет или нет, но если перебирать ногами быстрее, то получится побежать. Юноша...

Верс заметно напрягся. Как выяснилось, зря:

— Смотреть, — Сейка указал на высокую бочку, видно, показывая пост для возможного дежурства и наблюдения, — можно. Отвлекать — нет. Иначе...

Он не договорил. Никогда не договаривал, свято веруя, что любой должен был понять и так, что следует за «иначе».

— Воробушек, приступим. Гора.

Рин подивилась скорости, с которой тело приняло нужное положение. Сейка гаркнул:

— Плечи! — и всё, больше он ничего не сказал; полагалось, что Рин следовало самой сообразить, что к чему. Справедливости ради, она поняла и повела плечами, слегка размяв их, а после опустила и вытянула шею.

— То-то же. Сколько времени прошло, а у тебя вечно голова в плечах, как у нашкодившей девочки. А хотя... Так, поглядим, — он осмотрел ученицу, и вот тут-то и настал миг подлинного удивления, потому что он не собирался ничего в стойке поправлять.

— Пристойно. Хорошая опора. Теперь щит, разворот, взмах. Дыши!

И она подчинилась.

Когда учение подошло к концу, Рин встала на верхней палубе, недалеко от носа, чтобы полюбоваться тем, как режутся о гладкие бока корабля изумрудные волны. Рядом грелся Верс. Ему явно сделалось лучше, если судить по рвению, с которым он повествовал о погребальных одеждах атэкка.

— ...а серые они, — торжественно поведал он, — потому что это цвет пепла. И...

Рин слушала. Не очень внимательно, можно даже сказать, вполуха, но не забывая уважительно кивать. Видеть Верса довольным, со здоровым блеском в глазах? Это стоило десятка повестей о быте атэккского народа.

К тому же разве не она донимала капитана и его помощника вопросами, хоть и во много раз — по мнению Рин, само собой, — более интересными? Желая блеснуть познаниями, она поделилась тем, чему научили её. Пересказала легенду о том, как исполинский летающий змей пытался поглотить солнце, но был сожжён божественным огнём — только змеиное крыло осталось на небосводе в виде созвездия. Зачла строки из дивной поэмы, сложенной о силе Сердца мира, между прочим! Щегольнула новыми словами, которые успела выучить.

Верс выслушал её и одобрительно покивал.

— Сердцу мира знание языка атэкка обязательно пригодится. Они не были завоёваны старой империей, а потому гис в их царстве не в ходу.

— Совершенно верно, храбрый воин, — бодрый голос капитана Рош-Хара полился сверху, с возвышения, на котором стоял штурвал. — Прелестной *sa bekh*, если она, конечно, желает быть услышанной и понятой всеми, а не только самыми знатными и просвещёнными, придётся выучить наречие моей прекрасной Страны Солнца.

Рин было спросила в очередной, сотый, должно быть, по счёту раз, что же значит «*sa bekh*», но передумала. За две недели с тех пор, как «Солнечный Ветер» отдал якоря и покинул гавань Синнага, никто, ни один человек так и не объяснил ей значение загадочного обращения. И капитан, и команда как будто не слышали её вопросов, только называли её без конца «прекрасной» или «изумительной». Особенно Рош-Хара. Впрочем, он льстил всем, причём постоянно и помногу, и всегда чересчур, всегда через край. Рин поначалу испытывала неловкость, но вроде бы перестала.

Вроде бы.

— Может, ты мог бы обучить Сердце мира? — серьёзно вопрошал Верс.

— О нет, — замелькал багровый платок — то голова капитана заматалась так, словно держалась не на мускулах, костях и коже, а на верёвочке, как у игрушечного воина, — я, недостойный торговец, не посмею посягнуть на священный труд учителя.

— Тогда, может... — Рин посмотрела на капитанского помощника, усатого жаба Саад-Та. Тот сурово отказал:

— Невозможно, *sa bekh*. Учителю — учительство, а морякам — море. Таков порядок, установленный Солнцем.

— *Imi rakh haswat*, — выругалась себе под нос Рин.

— *Hiaswat*.

Взоры Верса и Рин метнулись в сторону, намертво пристав к обладателю тихого голоса. Слово, произнесённое им, звучало точно так же, как если бы сошло с уст атэккских моряков. Если зажмуриться и верить только ушам, то можно бы подумать, что рядом оказался кто-то из матросов. Но нет, рядом стоял Брат Ордена и выжидающе смотрел на Рин.

Он заглянул ей в глаза и произнёс:

— Когда говоришь «hias», проговаривать надо не «а», а «я». Imi rakh hiaswat.

Рин бездумно повторила и с каждым словом всё больше желала вылить на себя ведро ледяной воды. Да только и её бы не хватило, чтобы остудить горящие щёки. «Может, за борт? — подумалось вдруг. — Будто бы невысоко...»

— Так ты умеешь...

— Изъясняться на языке солнцепоклонников? Да, в том числе... А, — воодушевился Квилан и отвёл взгляд, будто бы что-то вспоминая, хотя на деле наверняка вовсе ничего не забывал, — так вот куда полагалось пойти недостойному псу, если бы он решил тебе докучать.

Была бы Рин привычна к долгим думам, она бы наверняка пыталась понять, отчего брат Ордена не раскрыл своего умения прежде и почему. Если б она родилась одной из тех, кто печально вздыхает и стыдится всяких глупостей, то она точно затаила бы на Квилана мелочную обиду.

Но характер у Рин был воинский, а ум — стойкий и гибкий, как шагренёв, и склонный к увлечённости — порой на грани одержимости. Потому она решительно отбросила стеснение и потребовала:

— Научи меня. Языку атекка — научи.

Рин пожалела о своём опрометчивом порыве учить язык почитателей Солнца прямо на следующий день.

Она и её учитель сидели за столом, утопающим в бумагах. Сперва она, кряхтя, плюясь и кашляя, проговаривала слоги и слова. Звуки были сложной, причудливой смесью из грубого и мягкого, хрипящего и мяукающего, но это ещё ничего — с ними Рин справлялась успешно. Гораздо хуже оказались значки, обозначающие буквы, поскольку они отличались друг от друга так же, как родные братья и сёстры. «Но это можно пережить», — размышляла Рин, старательно записывая слова.

Беда пришла через два дня. Оттуда, откуда её совсем не ждали.

— Нет, — покачал головой Квилан, когда Рин была готова к чтению и уже поднесла к началу короткой строки палец — для удобства. — Не так. Справа налево.

«Терпение, — внутренний голос почему-то стал ниже и глубже — точь-в-точь как у Магистра Лейны Сатор, — одна из величайших добродетелей». Собравшись с силами, Рин вслух прочла приветствие, которое полагалось произносить, обращаясь к царю, воплощению Солнца. Квилан с ровным лицом выслушал, после чего спокойно поправил все слова — от первого до последнего. Ученица повторила так, как ей казалось, следовало. Снова внимательный и понимающий взор, а за ним — исправление. На третий раз проклятое царское приветствие поддавалось, а требовательный учитель кивнул и похвалил Рин — твёрдо, будто поставив печать сургучом:

— Если будешь приветствовать сына Солнца так, как сейчас, то атеккская знать не посмеет глумиться над тобой за твоей спиной. Повтори ещё.

Рин просияла; она прочитала строку снова, и не подумав удивиться своей необычайной покорности.

— Хорошо.

Квилан прибавил что-то ещё на языке солнцепоклонников, но тех слов Рин пока не понимала — да она их не слушала. «Каким, — думала она, — образом он умудряется говорить лучше, чем те, для кого атеккский — родная речь?»

— Да как? — спросила она, до глубины души возмущённая этой подлинной несправедливостью. — Как эти чудовищные звуки так легко тебе даются?

— Вот как ты считаешь, Сердце мира, — лицо у Квилана вытянулось; полосы шрама на половине лица и шее немедленно пришли в движение. — Заверяю тебя, мне не было легко. Цена видимой лёгкости — годы труда и постоянства в усилиях, *sa bekh*.

— Мать и Отец, — застонала Рин и запрокинула голову, — и ты туда же. Да что это означает?

— Разве ты не знаешь? — брат Ордена невинно вскинул брови, как если бы не ведал о любопытстве, снедавшем девушку с тех пор, как на пристани в Синнаге капитан впервые назвал её «*sa bekh*». — Огонёк пустыни. Пустынная ящерка.

Рин, которую две недели кряду, по всей видимости, называли ящерицей, разочарованно поджала губы, но Квилан продолжал:

— Она живёт в песках, но что любопытней — водится у берега моря, там, где кипятик бьёт из-под земли. Близ обжигающей воды, в горячем тумане огонёк чувствует себя весьма привольно, — такие подробности о природе *sa bekh*, на взгляд Рин, немного оправдывали атеккских мореплавателей. — Помнишь, что говорил капитан? По венам у *sa bekh* бежит жидкий огонь, а её шкура — из застывшей лавы. Не случилось проверить, что у ящерицы в сосудах, но...

— Но?

Квилан вдруг улыбнулся уголком губ, сняв на миг маску возвышенности.

— Снаружи она в самом деле тёплая, а её чешуя взаправду похожа на пламя и сверкает на солнце, как гранат. Красивый цвет.

— Весьма, — осипло проговорила Рин.

— Весьма, — глядя в сторону, согласился Квилан.

Хотелось задать множество вопросов: о шраме на половину тела, о Мирáзе, вскользь упомянутой Тенью в пылу сражения за Синнаг, о том, сколько лет Квилан провёл в землях атекка и для чего...

Сейчас или никогда.

— Скажи, — вопрос выпал изо рта, как пьяница из трактира, и Рин, конечно же, спросила не о том, о чём хотела, — как тебе достался «Солнечный ветер»? Почему гордые атеккские моряки тебе служат?

«Однако не нужно печалиться, — она мысленно утешила себя, — вполне интересный вопросец». К тому же краткое мгновение замешательства на обыкновенно холодно-безмятежном челе было бесценным.

— Ты и впрямь хочешь узнать? — спросил Квилан, глядя исподлобья. Рин ответила кивком. — Тогда расскажу, как представится случай, а пока...

Длинный указательный палец постучал по столу.

— Запиши царское приветствие.

В положенный день Рин влетела на нос корабля и уставилась вдаль. В лиловой дымке вот-вот должен был проступить край крупнейшего острова Рифа.

— Ракеат, — с придыханием произнёс Верс, прилипнув к фальшборту. — Этот остров легендарен. Он колыбель Древней Гис.

— Ну, положим, не весь остров, а город. Он и называется так же.

— Нет, — нудно возразил Верс, — город — это «Ракеат-ур».

Рин фыркнула, снова уставившись на горизонт.

Те из ройан, кому довелось побывать на острове, рассказывали об исполинских морских воротах, о библиотеке Ордена, величественных театрах, ипподромах и аренах. Иных впечатляли статуи, украшенные драгоценными камнями, а кого-то поражали жужжащие рынки, на которых всё продавалось и всё покупалось, ибо торговали там даже людьми. Было на островах и то, чем в один голос восхищались все выходцы из империи Таройан...

— Ткани? — изумлённо переспросил Верс. — Но почему?

— Потому, — с жаром пояснила Рин, удивлённая уж тем, что такие простые вещи нужно было объяснять, — что нет ничего важнее умения ткать, плести и шить!

— А это ещё почему?

— Сам подумай, ты же вроде мудрец у нас! — Рин щёлкнула его лбу. — Думаешь, ткач или ткачиха плетут всего-навсего какой-то плащ? Как бы не так. В их руках — связи между Матерью и Отцом. А помнишь законы материалики? Если нити ослабнут, то мирозданию не поздоровится.

Верс потёр лоб. Юноша не выглядел обиженным, скорее, задумчивым.

— В этом есть зерно истины, — серьёзно сказал он. — К тому же мать всех мо-ат Мёрре тоже сшила рану Диртта нитью из звериных жил.

— Шить — дело хорошее! — Солас гаркнул на ухо Рин и Версу, шлёпнув обоих по спине, отчего оба согнулись вдвое. — Вот маманя моя шьёт — да каждая девка бы так шить умела. А вы чего носы повесили? Выньте рожи из плеч. Вроде земля близко. Риф близко! И до него рукой подать!

— Да уж хоть бы, — вяло порадовался Луций, подобравшись ближе. Тит, встав рядом, молча кивнул.

— Ага, — нахмурился Томирис, — Сперва на этих Прощельговых островах искать не пойми кого, потом опять в песок — к очередным язычникам. Вы уж простите, что я от радости не прыгаю. Умаялся что-то.

— Полно, любезный, — мягко сказала Цилла подбоченясь; стрелки же, напротив, выпрямились, — есть множество вещей гораздо хуже. Бегство с поля боя, бесчестье...

— Трущобы Дáкии, — пожал плечами Солас.

Знакомая жилистая рука коснулась плеча Рин. С ней поравнялся Сейка, а после изрёк:

— Хуже дакийских трущоб, как известно, только вино из дакийских погребов. Воробушек, никогда, что бы ни случилось, как бы тебя ни мучила жажда, даже если твоя жизнь висит на волоске — никогда не пей эти помои.

С возвышения, на котором располагался штурвал, раздался голос Квилана:

— Согласен. Вино севера — мерзейшие отходы виноделия.

«Ну и где, — впились глазами в линию горизонта Рин, — где, чтоб её, эта проклятушая земля? Где этот Риф, чтоб ему провалиться?» Обоих не было видно. Всё так же плыли над морем облака. Мерцала и медленно таяла дымка.

Сначала ударил корабельный колокол — в такт с биением сердца. Затем раздался крик матроса. «Земля! — возвещали оба. — Земля!» Рин затаила дыхание.

В лучах рассветного солнца золотился неизведанный берег — очертания острова Ракеат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.